

## КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ АРГУМЕНТАЦИИ В РЕЛИГИОВЕДЕНИИ

*Воробьева С. В.*

*(Минск, Белорусский государственный университет)*

Необходимым условием существования теории аргументации является раскрытие когнитивных оснований ее применения в конкретном опыте, в частности, в религиозно-научных исследованиях и преподавании религиоведения. Это с одной стороны. С другой стороны, религиоведение нуждается в собственной дисциплинарной методологии, обусловленной когнитивными факторами аргументации – форматом ментальной репрезентации и способами мышления как ресурсами субъекта аргументации. Понимание данной обусловленности значимо для разработки новых подходов к исследованию религиозности в Беларуси [1; 2] и в преподавании религиоведения [3; 5].

В когнитивных концепциях аргументации оформился подход с относительно единообразной интерпретацией рассуждения и мышления. В соответствии с ним организация индивидуального умственного опыта осуществляется в виде наличных ментальных структур, порождаемого ими ментального пространства отражения и конструируемых в рамках этого пространства ментальных репрезентаций. Ментальные репрезентации – это внутренние операции с элементами, образующие более или менее устойчивую систему. Их интерпретируют как личностные конструкты (Дж. Келли), как ментальное самоуправление (Р. Стернберг), как ментальные модели (Дж. Миллер, Ф. Джонсон-Лэйрд), как когнитивные карты (А. Бек), как аффективно-когнитивные структуры (К. Изард), как языковые паттерны (Дж. Гриндер) или иначе [6; 7]. Различием подобных интерпретаций определяются инварианты ментальных репрезентаций. Выявить когнитивные основания аргументации означает понять, каким образом знания и чувства представлены во внутреннем мире человека, или какова сущность ментальных репрезентаций.

Когнитивные основания аргументации включают в качестве необходимых элементов совокупность индивидуальных характеристик рассуждения, находящихся в корреляции с чувственным познанием (ощущениями, восприятиями, представлениями) и психической

активностью, детерминируемой структурами и процессами мышления и памяти [8, с. 241–242]. Инвариантность (устойчивость) способов аргументационного структурирования реальности можно терминологически зафиксировать как когнитивный стиль аргументации. Когнитивные стили аргументации, обусловленные знаниями о мире и о себе, отображаются в вариантах переживания мира и себя в мире. Феноменология переживания структурно и функционально зависит от его культурной, религиозной или иной принадлежности. Поэтому, несмотря на индивидуальный характер ментальных репрезентаций, когнитивный стиль аргументации воспроизводит общие логико-гносеологические структуры. Для их распознавания следует различать три фундаментальных способа мышления, определяющие метод рассуждения и соответствующую ему логику, – конструктивный, феноменологический и теоретико-множественный способы мышления. Это означает, что субъект аргументации существует в сконструированной реальности, понимание которой зависит от понимания способа мышления.

Для конструктивного («генетического») способа мышления реальность существует как конкретный метод построения. Поэтому возможна не одна, а множество конструктивных логик. Для феноменологического способа мышления реальность существует как смысл и значение. Смысловая модель мира как основа феноменологической логики лишь косвенно связана с восприятием внешнего объекта и является результатом сознательной образной деятельности. Для теоретико-множественного способа мышления реальность существует как «логическое включение». Он основан на экзистенциальной природе универсума и реализуется по линии экстенционала.

Конструктивный способ мышления как когнитивный фактор аргументации в религиоведении обусловлен человеческой «способностью изменять мир и самого себя». Человек «изменяет реальность в направлении собственных, самостоятельно конструируемых целей и при этом реализуется сам, превосходя себя сверх своей исходной биопсихосоциальной данности, или иначе самотрансцендирует» [4. с. 4]. Следует разграничивать конструктивизм спонтанный и не спонтанный. Спонтанный конструктивизм – автоматически актуализируемая реакция на базовом уровне отражения, организуемая вокруг точки референции, или прототипов. Он свойственен аналоговому формату ментальной репрезентации и образному формату субъекта аргументации.

Генетический характер религиоведческих рассуждений как не спонтанный конструктивизм обусловлен несколькими факторами. Истина рассматривается не столько как абстрактный принцип, сколько как принцип практически-деятельный и морально-этический. Нормы

мышления, способы аргументации и формы выражения идей обусловлены мифологией или библейскими текстами, которые представляют собой системы взаимосвязанных и взаимно порождающих друг друга понятий. Подобные понятийные истолкования мира и места человека в этом мире – это совокупность логико-лингвистических связей, требующих способов интерпретации. Такими способами являются генетические рассуждения.

Конструктивный подход основан на указании способа порождения нового объекта из непосредственно предшествующих ему объектов (рекурсивная функция) [9, с. 161]. Рекурсивные способы порождения объекта базируются на принципе воспроизведения начального объекта (образца) посредством некоторого выделенного свойства. При этом ключевой становится методологическая установка на сохранение выделенного свойства образца в каждом его воспроизведении, в каждой его репрезентации. Образец как модель задает границы явления в мышлении – сознательную конструктивную деятельность по определенным правилам. Поэтому рассуждение на основании образца – это генетическая версия дедукции. Следует отметить, что генетический характер философского мировоззрения, сменившего в «осевое время» (метафора К. Ясперса) мировоззрение мифологическое, сформировало новый тип человека, чей конструктивизм перестал быть спонтанным. Обретение «разума и воли как инструментов подлинного самоопределения», открыло горизонт трансцендентного, или исторические религии [4, с. 65].

Способы аргументации в рассуждениях генетического типа детерминированы конструктивной природой универсума этих рассуждений. Конструктивные объекты вводятся посредством индуктивного определения, указывающего, каким образом из исходных объектов путем применения к ним некоторых операций или правил можно строить новые объекты [9, с. 160]. В частности, «актуализация связанности человека с абсолютным» определяется посредством индукции: «1) осознания человеком своего потенциального единства с абсолютным; 2) пробуждения всеобъемлющей мотивации (воли) к осуществлению этого единства» [4, с. 122].

Использование индуктивных определений в религиозной аргументации позволяет осуществлять обзор логических гипотез и поиск логических следствий [9, с. 67–71]. Например, феноменологический конструкт «христианское поведение» может быть индуктивно определен как: 1) беспристрастное отношение ко всем людям; 2) избавление от плохого в себе; 3) осуждение только самого себя и избегание оценочного отношения к другим людям. В частности, в телепередаче «Воскресная проповедь» (белорусское телевидение) реализуются две аргументационные стратегии: 1) обзор логических гипотез посредством примеров как

оснований, обуславливающих резонность определенных мыслей, чувств и действий; 2) поиск логических следствий посредством примеров как рекомендаций, подтверждающих позитивный или негативный характер определенных мыслей, чувств и действий. В результате пример как самый репрезентативный образец, или прототип, задавая точку референции, оказывает эффект максимально интерферирующего воздействия на аудиторию.

Конструктивизм аргументации в религиоведении детерминирован различием связей между языковой аргументацией и реальностью и связей внутри языковой аргументации. В основе различия лежат образные и пропозициональные форматы ментальной репрезентации. Образные репрезентанты содержат информацию о пространственных характеристиках объекта, поэтому имеют аналоговый (континуальный) формат кодирования. Пропозициональные репрезентанты содержат информацию о частях и деталях (темпоральные характеристики объекта), поэтому имеют вербальный (дискретный) формат кодирования [10, с. 65]. Данные форматы при взаимодействии порождают визуальные образы с пространственными и временными характеристиками, или субъективные конструкции мира.

Феноменологический способ мышления как когнитивный фактор аргументации в религиоведении детерминирован не доктриной или объяснением, как в конструктивном способе, а пониманием. Феноменологическая логика – это содержательная методология понимания, включающая четыре аспекта. Во-первых, понимание обусловлено используемыми именами. Использование имен основано на четырех постулатах: 1) имена связывают язык и реальность; 2) без имени предмет не существует как предмет мысли; 3) имя является смысловой моделью объекта, включающей имя, обозначаемый объект и представление об объекте; 4) способ именованья выражает замысел об именуемой предмете [9, с. 97]. Поэтому в феноменологической логике методологически важно определять логическую характеристику используемых имен. Например, следствием использования универсальных концептов являются неточные или неправильные именованья, ибо очень часто концептуализации сводят воедино вещи, которые кажутся одинаковыми, но, на самом деле, имеют разные языковые и культурные онтологии. Это приводит к контаминации (перепутыванию) и конфабуляции (домысливанию).

Во-вторых, «человек сам по себе» всегда и везде одинаков, следовательно, он имеет те же возможности опыта и переживания, включая религиозный опыт и религиозные чувства. Все, что пережито другим, может быть идентифицировано в контексте собственной жизни. Следовательно, возможно включение феномена в собственную жизнь, в структуру своего

опыта и переживания. В частности, Г. ван дер Леув, каталогизируя религии в контексте феноменологии, вычленил базовое переживание или состояние, характерное для религии: борьба (зороастризм), небытие и сострадание (буддизм), воля и повиновение (иудаизм), величие и смирение (ислам), любовь (христианство) [4, с. 43].

В-третьих, понимание предполагает воздержание от мнений о предмете с целью сделать доступной сущность этого предмета, а не мнение о нем, трансцендирование эмпирического опыта, в результате чего остаются лишь имманентные акты чистого сознания, и далее получают «чистые сущности». Воздержание от мнений о предмете обеспечивает доступ к его сущности, включающей только феномены и их значения. Это способствует построению системы или типологии феноменов. Данная группа факторов находится в корреляции с таким ключевым моментом в религиоведении как изложение содержания и структуры религиозного опыта. Каким образом можно описать «ситуацию „вторжения” абсолюта в ограниченный масштаб человеческого существа», каким образом «человек сам становится бесконечным – существом, способным жить за счет собственных бесконечных ресурсов, не нарушая баланса с окружающим»? [4, с. 113–114].

В-четвертых, построенные системы или типологии воспроизводят аналогические (родственные) феномены во взаимосвязи. Методическая задача заключается в установлении инварианта изменяющихся (варьируемых) признаков, составляющих сущность конституируемого феномена в сознании (категориальное созерцание» Э. Гуссерля или «личностное конструирование» Дж. Келли). В частности, Э. Гуссерль разграничивал два аспекта феноменологии религии: 1) разработка таксономических схем для каталогизации религиозных сообществ и религиозных явлений; 2) метод самосознания религиозного человека [4, с. 41–42].

Метод самосознания религиозного человека обусловлен в религиоведческой аргументации понятием мотива. Если конструктивизм предполагает логические построения, включающие каузальные связи, то феноменологический подход предполагает логико-лингвистические построения, или аффективно-когнитивные структуры, включающие связи мотивационные. Мотивации – семантически обусловленные значения логических категорий языка (уровень знания) и находящиеся с ними в корреляционных связях эмоции (уровень чувствительности), обуславливающие психологические состояния. При этом одни логические категории выступают в роли источника мотивации, другие, – рассматриваются как обусловленные (мотивированные) источниками. Например, источники мотивации могут быть описаны или терминологически как «священный восторг» или «благоговейный трепет», или процессуально «как «переживание всепоглощающего восторга

вследствие благодатной интенсивности абсолютного воздействия» [4, с. 114]. Мотивационные состояния в религиозном опыте проявляются в жизни верующего человека «постоянной и сдерживающей жизненное поведение осторожности, осмотрительности в отношении к окружающим», «в благодарной (благодарной) или осмотрительной (бережной) зависимости», в «обретенной внутренней целостности <...> и единства со всей реальностью» [4, с. 114–115].

В феноменологии аргументации значимой является корреляция между содержанием ментальной репрезентации (субъективно отраженным) и степенью образности имен как знаков. Подобная корреляция порождает множество когнитивных задач, которые решаются в зависимости от содержательной или формальной трактовки репрезентации. Согласно содержательной трактовке М. Айзенка, «репрезентация сводится к знаку или набору символов, которые „репрезентируют“ нам что-то» [Цит. по: 11, с. 117], т.е. ментальные репрезентации отражают только некоторые аспекты мира. В связи с этим слово «нищий», например, имеет более высокую степень образности, чем слово «контекст». Согласно формальной трактовке Ж.-Ф. Ле Ни, понятие «ментальная репрезентация» описывает не содержание психического отражения, а прежде всего формат, в котором происходит такое отражение [11, с. 118–119].

Теоретико-множественный способ мышления как когнитивный фактор аргументации в религиозоведении основан на экзистенциальной природе универсума, реализуется по линии экстенционала и предполагает выбор свободной или несвободной логики. Свободной считается логика без экзистенциальных предпосылок. Она имеет место «в ситуациях, когда существование объектов рассуждения не предполагается» [8, с. 247]. Несвободные логики исходят из онтологического допущения, что объекты, составляющие универсум рассуждения, существуют. Это означает, что рассуждения, претендующие на рациональность и научность, не оперируют нулевыми именами (например: «метафизический объект» или «демократия»). Повседневные рассуждения как профиль свободной логики подобными именами оперируют.

На этом основании методология преподавания религиозоведения должна учитывать два взаимно обусловленных когнитивных процесса: оперирование дескриптивными именами (феноменологический способ мышления) и теоретико-множественное структурирование реальности посредством логического включения. В дескриптивных именах, изымающих часть смысла или приращивающих смысл, часть либо стремиться разрастись до целого, либо становится риторической фигурой. Последнее означает утрату связи языка и реальности, или образование пустых имен. Существование предмета в дескрипциях зависит от смысла,

так как связь между субъективным сознанием и его образами-объектами с позиции феноменологии является смысловой: А находится в смысловой связи с В, если и только если А чувствует в В смысл для себя. С теоретико-множественной позиции это означает, что если есть смысл, – есть предмет, если смысл отсутствует, – имеет место риторическая фигура. Поэтому в случае дескриптивных имен проблемой является существование предмета (экстенционала), а не его сущность, или смысл. Например, категории озарение, просветление, пробуждение, откровение, постижение стремятся к целостности или сохраняют свою фигуральность.

Способы теоретико-множественного структурирования реальности посредством логического включения реализуются как ответы на вопросы: 1) какой объект и куда включен? 2) какой объект и кого включает? Первый способ – сужение объема – заключается в изъятии части смысла из целого в конструкции с родительным падежом, например, «присутствие Другого», «оценка (значимого) Другого» или «ответственность за Другого». Второй способ – расширение объема – заключается в приращении смысла посредством придаточного: «<часть>, которая <смысл целого>», где существование целого не дано, но существование части санкционировано существованием целого. В частности, санкционирующая сущность обуславливающего трансцендентного начала как целого детерминирована егосамодостаточностью и самодействием. Например, присутствием Другого детерминировано чувство стыда, наличием совести детерминировано чувство вины, присутствием Лица – чувство ответственности.

Таким образом, когнитивные факторы аргументации являются основаниями для построения объясняющих и понимающих моделей в религиоведении по ряду направлений. Конструктивный, феноменологический и теоретико-множественный способы мышления как когнитивные ресурсы субъекта аргументации определяют содержание и формат ментальных репрезентаций. Различение данных способов мышления позволяет объяснять специфику объектов религиоведения, Аналоговые и пропозициональные репрезентанты религиозного мышления идентифицируются как способ построения, как смысл и значение или как «логическое включение» в условиях радикальной инаковости. Присутствие когнитивных факторов аргументации в религиоведении позволяет оптимизировать число переменных в исследованиях и сокращать размерность пространства описания данных в преподавании.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карасёва, С. Г. Исследования религиозности в Беларуси: новые подходы / С. Г. Карасёва, Е. В. Шкурова, С. И. Шатравский // *Философия и социальные науки.* – № 4. – 2014. – С. 62–66.

2. Карасёва, С. Г. Многомерный кросskonфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация / С. Г. Карасёва, Е. В. Шкурова // Социология. – № 3. – 2011. – С. 123–133;
3. Адзіночанк, В. А. Рэгілязнаўства: вучэб. дапам. для студэнтаў ВНУ / В. А. Адзіночанка. – Мінск: Універсітэцкае, 2001. – 239 с.
4. Карасёва, С. Г. Введение в религиоведение: учеб.-метод. пособие для студентов, обучающихся по спец. 1-21 02 01 «Философия» / С. Г. Карасёва. – Минск: БГУ, 2012. – 160 с.
5. Языкович, В. Р. Религиоведение: курс лекций / В. Р. Языкович – Минск: РИВШ, 2007. – 346 с.
6. Джонсон-Лэйрд, Ф. История ментальных моделей / Ф. Джонсон-Лэйрд // Когнитивная психология: история и современность. Хрестоматия. – М. : Ломоносовъ, 2011. – С. 344–351.
7. Келли, Дж. Теория личности. Психология личных конструктов / Дж. Келли. – СПб. : Речь, 2000.
8. Воробьева С. В. Специфика когнитивного стиля мышления в Древнем Китае / С. В. Воробьева // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. V. В 2-х ч. Ч. 2. / Ред. Кол. А.Н Гордей (отв. ред.), Цуй Цимин (зам. отв. ред.). – Минск, 2015. – С. 241–250.
9. Воробьева, С. В. Логика и коммуникация: пособие / С. В. Воробьева. – Минск: БГУ, 2010.
10. Воробьева, С. В. Логические, эпистемологические и когнитивные аспекты системной модели аргументации / С. В. Воробьева // Философия и социальные науки. – № 1.– 2016. – С. 62–67.
11. Когнитивная психология. Учебник для вузов / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. – М. : ПЕР СЭ, 2002. – 480 с.